

- [Духовные беседы](#)
    - [Беседа первая](#)
    - [Беседа вторая](#)
    - [Беседа третья](#)
    - [Беседа четвертая](#)
    - [Беседа пятая](#)
    - [Беседа шестая](#)
    - [Беседа седьмая](#)
-
-

Введение

Беседа [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#)

Духовные беседы

Беседы со старцем Германом записаны митрополитом Вениамином (Федченковым) в 1916 году.

Беседа первая

Вопрос. Батюшка, скажите нам что-нибудь на пользу души.

Ответ. Что же я сказать могу? Как я в монастырь поступил, все чувствовал свое недостойнство: жалкий, ничтожный я человек, и ничего я не могу по себе, ничего! И это чувство и нужно хранить и иметь в себе — это главное в монастыре, да и в миру тоже.

Помнить надо завет Спасителя: *...научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим (Мф.11:29)*. А еще терпение надо иметь в послушании. Читали вы житие Павла Препростого — ученик он был Антония Великого? Непременно себе купите эту книгу: много там назидательного. Так вот, когда пришел он к преподобному Антонию, стучит к нему в келью, просит принять его в число братии, а Антоний взглянул на него и говорит:

— Нам таких не надо: стар ты слишком, ничего делать не можешь.

Ему шестьдесят два года было. Долго умолял его Павел Препростый, говоря, что он все будет исполнять, но святой Антоний прогнал его от себя и затворился в келье. Три дня и три ночи простоял Павел Препростый у кельи преподобного, на четвертый день отворил преподобный дверь и видит его, исхудавшего, измученного, и спрашивает:

— Ты еще здесь?

А тот ему отвечает:

— Здесь и умру, святой отче, если не примешь меня.

И принял его старец. Велел одежду самому шить. Только тот кончил с трудом, а преподобный Антоний велел ему все распороть и потом опять заново сшить. Ведь иной, незнающий, подумает: «Вот дурак какой, что же это? Сшить, распороть и опять сшить?» А Павел Препростый смиренно все это выполнял на пользу душе своей.

Вы непременно его жизнь прочтите. А ведь вот я-то возгордился! Ведь воображаю о себе, что могу и наставить, и поучить, ведь как теперь вам разглагольствую. Вы ведь, пожалуй, подумать можете, что и я делатель какой?! А я только все это слышал, что другие так делают; а сам ничего и не делал, и не начинал делать.

А смиренномудрие — великая это вещь и глубина безконечная.

Святые отцы сравнивают и говорят, что вот как жемчуг драгоценный из глубины моря достают, так и из глубины смиренномудрия драгоценнейшие жемчужины духовные достаются...

Беседа вторая

О монастыре и о жизни в нем не мечтайте: на все да будет воля Божия. Вот я в монастыре весь свой век прожил, а ничему не научился. Недостойный игумен! Скоро предстану пред лице Божие; а с чем предстану — не знаю. Ничего не имею, кроме грехов.

Читайте непременно молитву Иисусову: имя Иисусово должно быть постоянно у нас в сердце, уме и на языке: стоите ли, лежите ли, сидите ли, идете ли, за едой — и всегда — всегда повторяйте молитву Иисусову. Это очень утешительно! Без нее нельзя. Ведь можно молитву Иисусову и короче говорить: это отцы святые советуют для новоначальных. Это полезнее и крепче будет. Помните шесть слов: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного». Повторите медленнее: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешную» — и еще медленнее: «Господи — Иисусе — Христе, — помилуй мя, — грешную». Так хорошо! Учитесь самоукорению: без него нельзя. Вот я пятьдесят лет в монастыре живу, мне семьдесят шесть лет, слепой, еле ноги передвигаю; и только потому меня Господь милует, что я вижу свои грехи: свою лень, свое нерадение, гордость свою; и постоянно себя в них укоряю — вот Господь и помогает моей немощи.

Что теперь кругом делается?! Трудно вам жить среди такого развращенного мира. Меня все спрашивают: «Конец ли это мира?» Что можем мы на это ответить? Спаситель сказал: *О дне сем и часе никто не знает, ни Ангелы на небеси; а только Отец ваш Небесный* ([Мф.24:36](#)). Я думаю, что это еще не конец! Но сердце Божие к нам теперь близко. Не до конца прогневается Господь. Он милостиво хранит нашу обитель под покровом Матери Божией. И опять будет мир и тишина. Господь нас помилует за веру нашу — все-таки еще многие веруют и многие молятся еще на Руси.

Молитва — это главное в жизни. Если чувствуете лень, нерадение, как вы говорите, что же делать? Таков уж есть человек! А вы молитесь Богу в полном внимании, просто, как дети, говорите слова молитвы Самому Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Господь Сам знает, что вы — грешная. Так и молитесь: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Так легче, короче и лучше будет внимание удерживать на словах. Вот так и молитесь. Да укрепит вас Господь Бог.

Любить надо Господа. Ведь Господь добрый! Господь Кровь Свою за нас пролил. За это надо Господа благодарить; и, как дети Отца, молить простить нам наши грехи. Молитесь стоя или даже сидя: ведь Господь видит, что вы дети маленькие, сил у вас мало. Он не възыщет. Просто говорите с Господом. Ведь Он так близок к нам. Святитель Тихон Задонский так молился: «Кормилец мой, батюшка!» Вот как он Господа призывал! Вникайте в каждое слово молитвы умом; если ум отбежит, опять его возвращайте, принуждайте его тут быть, а сами языком слова молитвы повторяйте. Так будет хорошо! А сердце пока оставьте и не думайте о нем, довольно вам такой молитвы. Главное, чтобы чувство самоукорения неотступно было бы, чувство своей греховности и безответственности перед Богом. Разве это трудно? Говорите: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную» — и чувствуйте, что говорите. Вы говорите: «Страшно». Но разве Сладчайшее имя Господа может быть страшно? Оно благодатно, но надо произносить Его с благоговением. Епископ Феофан говорит: «Надо стоять перед Богом, как солдат на смотре». А укорять себя надо не только в делах плохих. Дел-то греховных у вас, может быть, и немного, а за мысли греховные тоже отвечать будем.

Люди мирские и не знают, что такое *помыслы*; они каются только в делах; а монахи все свои мысли перед глазами имеют, в греховных помыслах каются и себя за них укоряют. Один мирянин даже соблазнился этим. Книгу какую-то издали: в ней про помыслы, какие являются, написано было; а мирянин-то и говорит: «Вот чем монахи занимаются, вот какая святость их жизни». Монахи за это по смирению себя укоряли, делами-то они не грешили; а мирянин не понял того и соблазнился. А за помыслами надо следить; а главное — на них не останавливаться, скорее укорить себя да помолиться Богу. **Если себя не укорять и своей греховности не чувствовать, можно в прелесть попасть.** Вот один монах — я его сам знал, он до сих пор в одном монастыре просфоры продает. Вот этот монах, кажется, послушником еще тогда был, захотел молитвой Иисусовой заниматься, не узнав, как следует, о ней; и начал заниматься. Появились у него чувства отрадные; и он думает, что это уже плод молитвы. И все больше и больше надмевается. Видения у него начались; а он все утешается. И казалось ему, что будто он порой ходит в чудном саду; и так всякий раз ему отраднo было молитву начинать.

Только один раз поговорил он с кем-то из знающих, и его спросили: вникает ли он в слова молитвенные? А он даже и не знал, что это нужно. А как начал он вникать в слова да укорять себя, так и пропали чувства утешительные да видения всякие; потому что все это неправильно. **Смирения, самоукорения да простоты держитесь!**

«Что же могу я вам сказать? Ничего не могу я сказать. Сам ничего не знаю, ничему не научился; а что же еще могу сказать другим? Ведь я неученый, вы понимаете? Малоученый. Ведь как меня учили-то? Читать научили по Псалтири, «Отче наш», «Богородицу», — это когда мне восемь лет исполнилось; и больше ничему не учили. Хотелось бы дальше поучиться, спросили: что книжки стоят? Говорят: «Пять рублей». Откуда же нам было такие деньги взять? Так я восьми лет свое образование и кончил — совсем необразованным остался, ничего не знаю. А хотелось бы тогда еще поучиться».

«Все жду смерти, а смерть ко мне не приходит. Вот думал: «Не доживу до семидесяти семи лет», а 20 марта исполнился мне семьдесят седьмой год; и вот уже тринадцать дней я прожил семьдесят восьмого года; а все смерть не идет за мной. На что я живу? Кому я нужен? Всем я в тягость! Братия терпят меня — спасибо им, не выгоняют! А я, лентяй, живу, ничего не делаю, на соблазн другим. Братия кругом работают, трудятся; а я, лентяй, ничего не делаю. Недостойный монах, недостойный игумен! В монастыре живу уже пятьдесят пять лет, и ничего не сделал — о монашеской жизни и понятия не имею. Вот мой старец отец Александр жил семьдесят лет, преподобный Серафим семьдесят лет, отец Амвросий Оптинский семьдесят три года — а какие светильники были, истинные старцы, подвижники; а я семьдесят семь лет прожил и не сумел угодить Богу. И с чем предстану я, окаянный, на Страшный суд Божий? Всем меня наделил Господь: привел двадцати двух лет в святую обитель в 1866 году; через восемь лет меня посвятили в иеродиаконы, а в 1885 году — в иеромонахи; и в схиму Господь меня облек. Все мне даровал Господь; а я ничего не сделал, ничем не угодил Богу и страшусь праведного Суда Божия на Страна ном суде Его.

Обитель вся устроена трудами братии; все они у меня хорошие, труженики, послушные такие! Один я им показывай пример лени и нерадения.

26-го был день моего Ангела — ведь меня Гавриилом звали. Родился я 20 марта 1844 года».

Слово отца игумена Германа о схиме

«Многие монашествующие боятся схимы, боятся накладывать на себя обеты, которых сдержать не смогут. Была у отца Александра, моего старца, духовная дочь, монахиня Евфросиния, она потом у меня исповедовалась и умерла года два тому назад. Я ей всегда говорил: «Принимай схиму!» А она мне отвечала: «Батюшка, да разве я могу? Разве я достойна?» А я ей отвечал: «Кто же из нас-то достоин? Кто может считать себя достойным? Мы только смиряться можем и смирением дополнять дела, которых у нас нет... Какой я схимник?! Господи, Ты видишь немощь мою! Никуда я не гожусь! Без Тебя, Господи, я — ничто!»